

Как только тайная дверь открылась, все взгляды устремились на девочку. Кто-то резко вдохнул — она была до ужаса хрупкой.

Её маленькое тело, сжавшееся в комок, казалось, вот-вот рассеется от лёгкого ветерка.

Цзянь Юэ первым подошёл ближе. Он присел на корточки и осторожно подхватил её, прежде чем она упала. Девочка была лёгкой, как бумага, — почти невесомой в его руках. Цзянь Юэ слегка нахмурился: слишком тощая. Наверняка провела здесь несколько дней без еды и воды, уже теряя сознание — лишь шум снаружи вернул её к жизни.

Её дыхание было едва уловимым, признаки жизни — почти исчезли.

Не теряя ни секунды, Цзянь Юэ вынул из своего пространственного мешочка пилюлю, которую прежний хозяин тела тайком припрятал. Таких пилюль было всего две — и Цзянь Юэ не знал их точного названия, но знал одно: если даже сам Небесный Владыка считал нужным их беречь, то уж точно это не что-то обыденное.

Он аккуратно вложил пилюлю в рот девочки и обернулся:

— Воды.

К счастью, ученики припасли чистую воду.

Ближе всех стоял Цзян Юй. Он молча протянул флягу. Цзянь Юэ принял её и напоил ребёнка. Та ещё сохраняла сознание — глотала сама.

Цзян Чэнци и другие подошли:

— Она жива?

— Жива, но сейчас в обмороке, — ответил Цзянь Юэ. — Подождём, пока очнётся, тогда и спросим.

Делать нечего — раз девочка без сознания, пытаться её бессмысленно. Цзянь Юэ тревожился: вдруг пилюля не подействует? В таком глухом месте ни врача, ни лекаря, да и вернутся ли демоны — неизвестно. Всё висело на волоске.

— Останемся здесь на ночь, — решил он. — Завтра спустимся и отнесём её в ближайший городок.

Остальные согласились.

Пещера оказалась просторной, а благодаря своему расположению сюда почти не проникал ветер. Место было безопасным — если бы не десятки трупов деревенских жителей неподалёку. Их аккуратно перенесли в сторону и выстроили в ряд, чтобы завтра, как только дождь прекратится, предать земле — хоть так отдать последний долг.

Ночь в горах была ледяной. За стенами пещеры гремел гром, а внутри, чтобы согреться, разожгли костёр. Ученики, измученные долгим днём пути, сели у стены и принялись есть сухпаёк — стандартный набор, выданный сектой Линъюнь перед вылазкой.

Но двое так и не притронулись к еде.

Цзянь Юэ ухаживал за девочкой, сам не поев. Обернувшись, он заметил, что Цзян Юй тоже сидит без еды, а Цзян Чэнци, словно каменный истукан, неотрывно следит за ребёнком.

— Тебе не обязательно так пристально за ней наблюдать, — сказал Цзянь Юэ. — Она очнётся, когда будет готова.

— Я хочу спросить у неё, — отозвался Цзян Чэнци, — как именно демоны убили её родителей, какие у них слабости... Мой младший брат тоже пострадал от них — тяжело ранен и до сих пор не приходит в себя. Мне нужно узнать, как его спасти.

— Тогда поешь сам, — мягко посоветовал Цзянь Юэ. — Как только она очнётся — сразу скажу тебе.

В оригинальной истории Цзян Чэнци в конце турнира внезапно напал на товарищескую с мечом и был строго наказан по уставу секты. Цзянь Юэ обязан был выяснить причину — и потому не мог терять его из виду.

— Я должен сам за ней следить, — упрямо ответил Цзян Чэнци. — Отдыхай, а я останусь здесь.

Цзянь Юэ снова огляделся — и увидел, что только Цзян Юй не ест.

— У вас у всех есть еда? — спросил он у Цзян Чэнци.

— Ну конечно! — тот откусил от лепёшки. — При поступлении новички платят взнос, и тогда секта выдаёт припасы. А он, наверное, не платил?

Цзянь Юэ вспомнил: Цзян Юй — сирота. У него нет денег, значит, и платить было нечем. В каноне он и так жил в секте в нищете — а здесь, выходит, ещё хуже.

— А у тебя тоже нет еды? — спросил Цзян Чэнци.

Цзянь Юэ действительно не получил ничего — он ведь не новичок. Он слабо улыбнулся:

— У меня есть, просто ещё не ел.

Цзян Чэнци не усомнился.

Цзянь Юэ подошёл и сел рядом с Цзян Юй. Из своего магазина он мог взять лишь ограниченное количество еды — и только то, что существует в этом мире. Система выдала одну лепёшку. Он разломил её пополам и протянул:

— Держи.

Цзян Юй удивлённо взглянул на него — его тёмные глаза спокойно спрашивали: «Почему?»

Цзянь Юэ улыбнулся:

— За сегодняшнюю помощь. Ты поднял тело, когда я не мог, и в пещере спас меня. Не умирай с голоду — мне ещё ты понадобишься!

Только после этих слов Цзян Юй принял лепёшку... но есть не стал.

— Почему не ешь? — удивился Цзянь Юэ.

— Не голоден. Буду голоден — тогда и съем.

— Как ты можешь не голодать? Мы же весь день в пути!

Не успел Цзян Юй ответить, как один полноватый ученик, сидевший у стены, хмыкнул:

— Чему тут удивляться? Он же ученик Бессмертного Владыки Юэхуа! Наверняка получил от наставника какие-нибудь артефакты. Нам с вами до него далеко!

Он не договорил.

Молодой человек, только что сидевший рядом с Цзянь Юэ, исчез. Его силуэт, быстрый, как лунный свет в облаках, мелькнул в воздухе. Следующее мгновение — его клинок уже прижимался к горлу говорившего. Цзян Юй смотрел сверху вниз, и в его тихом, хрипловатом голосе звучал ледяной холод:

— Повтори ещё раз про моего наставника.

Клинок блестел, готовый в любое мгновение прорезать горло. Ученик побледнел, задыхаясь от страха:

— Цзян Юй! Ты что творишь?!

Цзян Юй не произнёс ни слова, но его аура заставила всех поежиться.

Цзянь Юэ, зажевав лепёшку, замер в изумлении. Он и представить не мог, что Цзян Юй так яростно вступится за него — за «наставника», которого принял лишь пару дней назад. Но атмосфера накалилась, и он поспешил вмешаться, улыбаясь:

— Ладно, Юй-гэ, хватит! Не стоит из-за таких слов сердиться.

Неожиданно легко Цзян Юй отступил, позволив себя отвести.

Когда тот снова сел, Цзянь Юэ тихо пробормотал, жуя:

— Зачем ты на них напал? Это же твои будущие товарищи. Незачем с ними ссориться...

За стеной гремел дождь.

Цзян Юй лишь тихо ответил:

— Наставник оказал мне неоценимую милость.

Цзянь Юэ чуть не поперхнулся лепёшкой. «Какую милость? Я же ничего не делал!» — подумал он, но, чувствуя, что лезет в чужие тайны (а точнее — в свои же), осторожно спросил:

— Правда? Но ведь ты стал моим учеником всего пару дней назад... Мы вообще общались?

Он вдруг вспомнил канон.

Там прежний хозяин тела, лишившись сил, боялся раскрытия и намеренно взял Цзян Юя в ученики, лишь бы отвести подозрения. Он ничего ему не учил, позволял ходить под клеймом «плохие духовные корни», даже распускал слухи, будто в нём течёт демонская кровь. Он сознательно сломал мальчика.

А для Цзян Юя эта «милость» стала смыслом жизни.

Позже, когда Цзян Юй стал Повелителем демонов, Юэхуа возглавил объединённые силы

небесных сект, чтобы уничтожить его. И тогда Цзян Юй спросил:

— Я — твой ученик. Ты и вправду готов нанести мне такой удар?

А Юэхуа, глядя сверху вниз, сказал:

— Нечисть! Как я мог иметь такого ученика? С самого начала ты не должен был ступать в ворота секты! Я никогда не признавал тебя своим! Если бы не твой собственный выбор на собрании — я бы и взгляда на тебя не бросил!

Эти слова, как ножи, разрубили последние нити доверия.

Потом секты не смогли победить Цзян Юя — он стал повелителем демонов. Прежний хозяин тела, испугавшись мести, бежал и прятался по разным сектам. Но Цзян Юй разрушал каждую — лишь бы вытащить его на свет и заставить страдать. Так продолжалось сотни тысяч иероглифов — одна жестокая расплата за другой.

И Цзянь Юэ понимал: ненависть такого масштаба рождается не на пустом месте.

В этот момент перед глазами всплыло системное сообщение:

> ****Напоминание: вы находитесь в ключевой сюжетной точке основного задания. Чтобы полностью завершить задание в этом мире, вы обязаны воспроизвести оригинальный сюжет.****

— То есть... мне придётся повторить всё, что сделал прежний хозяин? — спросил Цзянь Юэ.

— ****Верно****, — чётко ответила система.

Он горько усмехнулся. Значит, ему самому придётся разбить сердце Цзян Юя. Только так можно «завершить» эту историю.

Он задумался.

И тут перед его глазами появилась фляга.

Он повернул голову — рядом сидел Цзян Юй. Юноша с серьёзным лицом сказал:

— Пей воду. Ты чуть не задохнулся от лепёшки.

— Да ну? — пробормотал Цзянь Юэ.

— Да, — кивнул Цзян Юй, глядя на покрасневшие глаза Цзянь Юэ. — Тебе плохо.

Цзянь Юэ натянуто рассмеялся, хватая флягу:

— Просто проголодался... поперхнулся.

Цзян Юй протянул ему вторую половину своей лепёшки — ту, что не стал есть:

— Ешь. Я не голоден. Не оставляй мне — ты сам голодный.

— Но тебе же самому нужно! — возразил Цзянь Юэ.

— Нет, — тихо сказал Цзян Юй. — В детстве, в моём городке, работы для таких малышей не было. Я часто голодал. Потом, когда подрос и пошёл в подёнщики, ел мало — хозяева ругались, если видели, что я много ем. Так я привык... Могу много дней не есть — не чувствую голода.

— Это вредно для тела, — машинально сказал Цзянь Юэ.

Цзян Юй сидел рядом в этой дождливой ночи и, словно раскрывая рубцы прошлого, продолжил:

— Нет. Я с детства не такой, как другие. Я редко чувствую голод... усталость... радость или печаль. Люди говорили: «Ты — чудовище».

Цзянь Юэ резко повернулся к нему. В глазах его уже стояла влага, но он улыбался — ярко, тепло:

— Да что ты! Ты же одарён от рождения! Для практикующих — путь к просветлению лежит через отречение от семи чувств и шести желаний. А ты... тебе даже отречься не нужно! Ты сам по себе — чистое сосудие Дао! У тебя врождённые духовные корни!

Он смеялся, пил воду из фляги Цзян Юя, и в его глазах, мокрых от слёз, отражался огонь костра — но свет в них был ярче всех звёзд на небе.

Цзян Юй долго смотрел на него. Потом тихо покачал головой и прошептал:

— У меня нет врождённых духовных корней.

Цзянь Юэ опешил. Он подумал, что тот всё ещё сомневается в себе, и торопливо захотел утешить:

— Почему нет? Конечно, есть!

Цзян Юй взглянул на него. Огонь костра отбрасывал тёплый румянец на его юное лицо. Он опустил тёмные ресницы, будто пытаясь заглушить бешеное сердцебиение, и тихо, почти шёпотом, сказал:

— Потому что я понял...

Он замолчал на мгновение.

— ...что не избавился от этого.

<http://bllate.org/book/16053/1434267>